

Громкий плач детей привлек внимание родителей. Когда Фан Цзычэнь ушел, они обступили Лю Дали и, разузнав подробности, принялись наперебой обсуждать случившееся.

Одна из матерей, чей ребенок дружил с Ма Сяошунем и тоже только что ревел во весь голос, недовольно проворчала:

— Да стоило ли оно того? Мальчишка-то ему даже не родной! У детей случилась пустяковая размолвка, а взрослый пришел сводить счеты... Ну и дела. Посмотрю я, кто из деревенских теперь захочет водить знакомство с его сыном.

— И то верно, — поддакнула другая кумушка. — На днях он избил Лю-паршивца, сегодня взялся за детей. Неужто его домочадцы из чистого золота сделаны? Подумаешь, какой-то гэр да нагулянный ублюдок, а он носится с ними как с писаной торбой.

— Тише ты, — осадили её. — Насчет ублюдка-то не болтай попусту, за такие слова и ответить можно.

— Тьфу на вас! Это вас семейка Ма да Чжао-гэр обвели вокруг пальца. Я своими ушами слышала, как Ма Вэнь у их забора кричал, что Гуай-цзай — не его сын. Если он не прибудыш, то кто тогда?

— Да ну? Правда, что ли? Раньше-то в деревне только гадали, а Ма на каждом углу божились, что внук родной. Что же теперь Ма Вэнь такое несет?

— Кто их разберет, не наше это дело. Давайте-ка лучше помалкивать, а то Фан Цзычэнь и к нам в дома ворвется с кулаками.

Чжао-гэр, случайно оказавшийся неподалеку, дослушал до конца и молча отвернулся, ускоряя шаг.

«Пустяковая размолвка? — горько усмехнулся он про себя. — На тыльной стороне ладоней моего сына живого места нет, всё тело в синяках от пинков — и это они называют „пустяком“?»

Вчера, когда он прибежал на крик, Гуай-цзай лежал на земле, свернувшись калачиком под градом ударов, а по лицу его ручьями катились слезы. У Чжао-гэра тогда сердце чуть не разорвалось от боли.

Фан Цзычэнь был человеком гордым и вспыльчивым, такое он терпеть не стал бы.

«Я вчера специально приукрасил правду, выставив всё в более легком свете, — Чжао-гэр

вспомнил о случившемся. — Расскажи я, как было на самом деле, Ма Сяошунь вряд ли вернулся бы домой на своих двоих».

Наказание юноши и так было на диво милосердным.

В «Башне Пьяной Ночи» в полдень наступило затишье. Фан Цзычэнь ждал у входа. С братом Яном, управляющим на пристани, они договорились на определенное время, но Фан решил прийти пораньше.

Когда брат Ян подошел, он приветливо улыбнулся:

— Давно ждешь?

Фан Цзычэнь не стал кривить душой:

— Да нет, только подошел.

— Вот и славно, пойдем скорее. Брат заждался уже, вчера весь вечер заходил, торопил меня.

В это время простые люди редко знали грамоту. Уметь читать, писать и вести счета могли разве что ученые мужи, обучавшиеся в академиях. Однако те всеми силами стремились сдать государственные экзамены и «перепрыгнуть через врата дракона», становясь чиновниками. Времени на учебу им вечно не хватало, где уж тут подрабатывать счетоводом? Семья, в которой подрастал будущий ученый, оберегала его как зеницу ока, не позволяя и пальцем пошевелить — едва ли не ложку ко рту подносили.

Потому на должностях счетоводов обычно трудились либо выходцы из зажиточных семей, обучавшиеся с детства, либо те неудачливые книжники, что не смогли сдать экзамены и были вынуждены зарабатывать на хлеб. И тех и других было прискорбно мало.

Управляющий Ян, хозяин заведения, поначалу встретил их с улыбкой, но, увидев юного Фана, тут же помрачнел. Брат Ян предупреждал его, что парень молод, но управляющий ожидал увидеть мужчину лет двадцати пяти, а перед ним стоял юноша, едва переступивший порог совершеннолетия.

— Паренёк Фан, присядь-ка пока, — брат Ян отвел своего родственника в сторону. — Ты чего лицо скривил? Я же говорил тебе, что парень молодой.

— Говорил-то говорил, но я не думал, что он совсем еще дитя! Ты что, смеешься надо мной?

Древность в этом мало отличалась от современности. К счетоводам относились так же, как к бухгалтерам: все ценили опыт и выслугу лет. Большие боссы редко доверяли «зеленоротым» юнцам. Считалось, что если у человека нет морщин на лице и седины в волосах, то и дела он ведет несерьезно.

Фан Цзычэнь сидел в стороне и, видя, как они шепчутся, невольно скривил губы.

Управляющий на пристани долго убеждал хозяина:

— Брат, поверь мне на слово. Не будь у Фана таланта, я бы не стал тебе его сватать. Ты же знаешь, я слов на ветер не бросаю.

Управляющий Ян всё еще колебался, но, раз уж обещал, отступить было некрасиво.

— Ладно. У меня тут есть приходная книга, дай ему посчитать. Посмотрю, на что он годен.

Юноша быстро пролистал тетрадь. Она была тонкой, записей в ней скопилось немного. Счетовод приготовился ждать как минимум до вечера, но не успел он и чашку чая допить, как Фан Цзычэнь захлопнул книгу и протянул её обратно.

— Готово.

Управляющий Ян: «...»

Ты издеваешься?

Он даже стука счетов не услышал. И это называется «посчитал»?

С недоверием хозяин взял книгу, открыл последнюю страницу и замер. Сумма до последнего вэня совпала с результатом, который он сам вывел вчера после долгих часов работы.

В этот момент со второго этажа спустилась компания гостей. Расплатиться подошел хозяин городского ломбарда — солидный господин, заказавший сразу двенадцать блюд. Управляющий Ян принялся споро щелкать костяшками счетов. Фан Цзычэнь мельком глянул на записи и бросил:

— С вас ровно шесть ланов и тридцать шесть вэней.

Закончив, он невольно задержал взгляд на госте. Тот был тучен, одет в изысканные шелка, а на каждом его пальце красовалось по кольцу с нефритом. Вид у него был такой, будто деньги он мешками ворочает. Фан Цзычэнь ощутил легкий укол зависти.

«Я больше месяца надрывал спину на пристани, таская тюки, и заработал едва больше одного лана, а этот человек за один обед проедает шесть...»

Впрочем, и в его прежнем мире было так же: ужин в дорогом отеле порой стоил как несколько месячных зарплат обычного работяги.

Управляющий Ян вскинул на него взгляд, но руки его не останавливались. Гость оперся на стойку и со смешком протянул:

— А паренек-то не прост. Неужто и впрямь так ловок?

— Да уж не жалею, — ответил Фан Цзычэнь.

— Какая уверенность! — гость похлопал его по плечу и, достав из кошелька два лана серебра, с грохотом опустил их на прилавок. — Если не ошибся — забирай, они твои.

— Это как-то неудобно...

— Чего тут неудобного? Мне эти крохи погоды не сделают, — гость улыбнулся, не сводя с него глаз. — Люблю я на красивых людей смотреть. Кто лицом пригож — тому от меня и почет.

Фан Цзычэнь тут же отшатнулся, словно перед ним возникла смертельная угроза.

Брат Ян не выдержал и расхохотался:

— Не бойся, хозяин Лу не по этой части.

Весь город знал, что господин Лу был великим эстетом. Он обожал всё прекрасное: кто-то разводил цветы, кто-то птиц певчих, а он любил любоваться красивыми людьми. Типичный ценитель внешности.

Управляющий Ян как раз закончил расчеты. С выражением крайнего изумления он произнес:

— Шесть ланов и тридцать шесть вэней. Тютелька в тютельку.

— Ох, малец, ну и глазомер у тебя! — поразился гость.

Фан Цзычэнь лишь отмахнулся:

— Делов-то.

Гость пододвинул к нему два лана серебра:

— Слово за слово, уговор дороже денег. Бери.

Юноша церемониться не стал:

— Благодарствую.

Помахивая веером, гость с довольным видом удалился. Брат Ян обернулся к родственнику:

— Ну как? Подходит тебе Фан?

Разумеется, подходил. Дело было решено: на первые три месяца положили жалованье в три лана серебра ежемесячно, а дальше, если проявит себя, обещали прибавку.

В прекрасном расположении духа Фан Цзычэнь прошелся по рынку. Когда он вернулся домой, Чжао-гэр поспешил забрать у него тяжелую корзину.

— Ого, что это там такое весомое?

— Да так, мелочи кое-какие, — Фан первым делом вытащил бумажного змея. — Тут съестного всякого набрал, приготовь что-нибудь.

Корзина была набита доверху: шесть цзиней нутряного жира, два цзиня свиной грудинки, почти двадцать цзиней риса и муки, а еще соль и приправы.

Чжао-гэр так и застыл:

— Откуда у тебя такие деньги?

Он-то думал, раз муж лишился работы, придется экономить каждую крупицу, а Фан Цзычэнь умудрился спустить все те три сотни вэней, что у него оставались.

Фан Цзычэнь протянул ему кошелек. Тот хоть и выглядел чуть похудевшим, но веса не потерял. Внутри обнаружилось еще два лана и восемьдесят вэней. Половину прежних заработков Фан всегда оставлял себе, а вторую отдавал супругу на домашние нужды.

— Это... откуда же всё это взялось? — Чжао-гэр растерянно захлопал ресницами.

Фан Цзычэнь вкратце обрисовал ситуацию. Для деревни это было заоблачное жалованье: три

лана в месяц — столько крестьянская семья порой за год не всегда видела.

Супруг обрадовался, но, вспомнив о чем-то, снова засомневался. Когда они зашли на кухню, он тихо спросил:

— Значит, ты больше не собираешься сдавать экзамены?

— Почему же? Собираюсь, — Фан Цзычэнь взял чашку воды и жадно выпил. Сухость в горле наконец отступила. — Экзамен на туншэна — дело нехитрое. Буду почитать книги на досуге, этого хватит.

Чжао-гэр хотел было что-то возразить, но промолчал. Фан Цзычэнь говорил об этом с такой легкостью, будто речь шла о пустяке. В деревне Сяожун жил один книжник, он учился в городской школе и в свои двадцать шесть лет уже восемь раз пытался сдать на туншэна — и всё без толку.

Видя непоколебимую уверенность мужа, супруг не почувствовал облегчения. Он боялся, что это лишь слепая самоуверенность. Оглядевшись и не заметив сына, Фан Цзычэнь помог Чжао-гэру разобрать покупки и спросил:

— А где наш малец?

<http://bllate.org/book/15357/1422821>